

митрию Донскому — первому победителю татаро-монгольских завоевателей. Задача этого панегирика устыдить великого князя рассказом о патриотическом подвиге предводителя русского войска в Куликовской битве: «И достойныи хвалам великий князь Дмитрие, прадед твои, каково мужство и храбрство показа за Доном над теми же окаанными сыроядци, еще самому ему напреди битись и не пощаде живота своего избавления ради христьянского. Сей боголюбивыи и крепкийи смерть яко приобретение вменяаше, не усумнеся, ни убоясь татарьскаго множества, не обратися въспяты и не рече в сердци своем: „Жену имею и детии и богатство многое, аще и землю мою возмут, то инде вселюся“. Но без сомнения скочи в подвиг и напред выеха и в лице ста против окаанному разумному волку Мамаю, хотя исхыгити от уст его словесное стадо Христовых овецъ». Похвалу мужеству Донского победителя Вассиан сопровождает патетическими сопоставлениями его с христианскими мучениками, заверениями, что именно мужество князя обеспечило ему божественную помощь, победу и, наконец, «венцы мученические» и «славу» «не токмо от человек, но и от бога».

Этот панегирик Димитрию Донскому построен так, чтобы осудить Ивана III за эгонистические мысли о сохранении своего благополучия, напомнить о долге перед русским народом, вдохновить его примером победителя Мамаю и обещать награду от божества. Лирическую окраску этому панегирику придает пронизывающее его убеждение автора в необходимости самых решительных действий против войск Ахмата.

То же убеждение звучит в страстном обращении Вассиана к Ивану III, предостерегающем его от советов «льстивых и лжеименитых», настаивавших на уступках хану. Это обращение состоит из укоризненных, глубоко эмоциональных возгласов, рисующих страшные последствия таких уступок для всей страны и для самого великого князя: «Помысли убо, о велеумный государю, от каковыи славы и в каковои бесчестие сводят твое величество! И толиким тмам народа погыбшим и церквам божьим разореным и оскверненым! И кто каменосердечен не въсплачется от сеи погыбели! Убоися и ты, о пастырю! Не от твоих ли рук тех кровь възычет бог по пророческому словеси? И где убо хощеша избежати или воцаритися, пагубив врученное ти от бога стадо? . . . И где паки отходиши, пастырю добрый? Кому оставляеши нас, яко овца не имущи пастыря? Мы же надеемся яко не отринет господь люди своих и достояния своего не оставит. Не послушаи убо, государю, таковых, хотящих твою честь в бесчестие в твою славу в беславие преложити и бегуну явитися и предателю христьянскому именоватися, но отложи весь страх и возмогаи о госпде в державе и крепости».

Патриотическому пафосу этого воззвания, авторитетом «писания» подкрепляющего каждую мысль Вассиана, соответствует и глубоко эмоциональная форма выражения, интонация отдельных возгласов, то взывающих к чести великого князя, то напоминающих о «погыбели» народа, то устрашающих гневом божьим, то прямо обличающих «ближних съветующих на не благое». Блестящий образец публицистики конца XV в., послание Вассиана в отдельных эпизодах переходит в подлинно гражданственную лирику «сына отечества», убежденного в том, что пришла пора скинуть остатки ненавистного народу ига. Человек своего времени, Вассиан ободряет Ивана III надеждой на небесную помощь и обещанием убитым «венцов нетленных», но за этой обязательной формой стоит уверенность в том, что русское «воинство до крове и до смерти» постоит за независимость родины.²⁸

²⁸ Текст Послания издан: ПСРЛ, т. XX, ч. 1. Львовская летопись. Часть первая. СПб., 1910, стр. 339—345.